

Глава 28. Одиннадцать

Едва услышав, что жизнь Пэй Хуайюя висит на волоске, Пэй Цзинсин и Су Янь позабыли обо всех расспросах. Откуда Государственный наставник проведал, что юный даоси заночует в поместье Пэй? Раздумывать было некогда. Спешно последовав за послушником, они сели в ожидавшую у ворот карету и помчались во дворец.

Экипаж замер у дворцовых врат. Стражи из императорской гвардии Юйлинъ тут же подступили для досмотра.

Послушник заглянул внутрь экипажа и негромко произнёс:

— Государственный наставник передал, что молодой господин Пэй сейчас находится между жизнью и смертью. Уличного посла Пэя просят подождать снаружи, дабы его тяжёлая воинская аура не потревожила угасающий дух больного.

Пэй Цзинсин нахмурился, в его голосе прозвучало недоумение:

— И всё же откуда наставнику известно, что Су Янь остался у меня? Да ещё и о моём приезде он догадался заранее.

Мальчишка лишь улыбнулся, явив очаровательные ямочки на щеках:

— Наш учитель зрит сквозь туман времени. Для него подобные вещи — сущие пустяки.

Поняв, что ответа не добиться, Цзинсин замолчал и лишь досадливо отвернулся.

Гвардейцы, охранявшие ворота в эту ночь, были предупреждены заранее. К тому же, завидев в повозке уличного посла Пэя, они не стали чинить препятствий и быстро пропустили экипаж внутрь.

Карета остановилась у крыльца дворцового покоя. Пэй Цзинсину пришлось остаться внутри — повинувшись привычке верного стража, он замер, чутко прислушиваясь к малейшему шороху снаружи. Су Яня же встретили двое слуг с бумажными фонарями. В их сопровождении молодой даоси вместе с послушником переступил порог величественного зала.

Внутри, на возвышении, восседал мужчина средних лет в повседневном халате императорского жёлтого цвета. На его лице читалась глубокая тревога.

Послушник поспешил вперёд и склонился в глубоком поклоне:

— Нижайше приветствую ваше величество. Даоси Су Янь доставлен по вашему повелению.

Император перевёл взгляд на вошедшего юношу:

— Так это и есть даоси Су? Что ж, слухи не лгали. Воистину юн и одарён.

Стоявший поодаль Гао Цзэкай уловил в голосе государя тень недовольства и поспешил вмешаться:

— Брат Су, отчего ты не приветствуешь его величество как подобает?

Су Янь скользнул взглядом по нахмуренному лицу монарха, заметил, как кланялся послушник, и послушно повторил его жест:

— Приветствую ваше величество.

Император кивнул, и гнев на его лице немного утих. Он обернулся к слугам:

— Даоси Су прибыл как нельзя вовремя. Ступайте, доложите Государственному наставнику.

Вскоре из внутренних покоев вышел Государственный наставник Чжоу Юйи. При виде Су Яня его хмурый лик заметно посветлел. Он повернулся к трону:

— Ваше величество, с вашего позволения, я заберу его внутрь.

Император устало прикрыл глаза:

— Ступайте, наставник. Жизнь Хуайюя в ваших руках.

— Исполню ваш долг, государь, — пообещал Чжоу Юйи.

Обменявшись быстрым, многозначительным взглядом с Гао Цзэкаем, он увлёк Су Яня в глубь дворцовых покоев.

Пэй Хуайюй неподвижно лежал на ложе. Его верхнее платье сняли, обнажив неестественно бледную грудь, редко видевшую солнечный свет. Кровь из раны больше не хлестала, однако края растерзанной плоти размером с кулак почернели, и ни малейшего намёка на затягивание не было видно.

Удар призрачной девы пробил его грудину насквозь. Обычный человек испустил бы дух на

месте или, в лучшем случае, угас бы за считанные часы.

Лишь благодаря своевременному вмешательству Су Яня, остановившего кровотечение, и тайным техникам Государственного наставника Хуайюй всё ещё дышал. Но плоть мертвела, и даже великий мастер Чжоу Юйи не мог бесконечно удерживать улетающую душу в истерзанном теле.

— Брат Су, ты и сам видишь его состояние, — без лишних предисловий начал Государственный наставник. — Теперь спасти его может лишь твоя кровь.

— Моя кровь? — удивился Су Янь. — Какая от неё польза?

Юноша вовсе не жалел нескольких капель для спасения товарища, но желал уразуметь суть.

Чжоу Юйи пристально взгляделся в лицо юноши:

— Неужто ты сам не ведаешь? В тот день, когда мой старший брат нанёс тебе тяжелейшие увечья, твоя жизнь висела на волоске. Даже я не знал, как помочь. Но затем я воочию узрел, как твои раны затянулись сами собой. Тогда-то я и понял, что твоё естество отлично от людского. Твоя кровь способна возвращать из мёртвых и растить новую плоть.

Су Янь промолчал, обуреваемый сомнениями. За все прожитые годы он ни разу не слышал, чтобы человеческая кровь обладала подобным чудодейственным свойством. Однако угасающий лик Пэй Хуайюя не оставлял времени для долгих раздумий. Подавив недоверие к наставнику, он коротко спросил:

— Сколько нужно?

— Подобное и для меня в новинку, — признал Чжоу Юйи, вновь обретая привычное хладнокровие. — Начнём с малого. Окропи рану несколькими каплями, а там посмотрим, как откликнется плоть.

Су Янь без колебаний уколол кончик указательного пальца и позволил тёмно-алым каплям упасть прямо на зияющую рану. Стоило им коснуться плоти Пэй Хуайюя, как они мгновенно впитались, точно сухая земля впитала влагу. Спустя мгновение из краёв раны заструилась зловонная, густая чёрная кровь.

— Подействовало! — не сдержав радости, воскликнул наставник и крикнул в сторону двери: — Быстро несите таз и чистые холсты!

Юный послушник мгновенно внёс медный таз и стопку чистых тряпиц. Поставив таз у подножия ложа, он принялся аккуратно омыwać рану. Едва ткань пропитывалась ядовитой чёрной жижей, он бросал её в медь и брал свежую. Спустя несколько минут мертвенная

чернота отступила, обнажив здоровую алую плоть, хотя из глубины всё ещё сочились гнилостные остатки.

Не дожидаясь подсказки, Су Янь выдавил ещё несколько капель своей крови на повреждённое место.

И как только ядовитая кровь изошла без остатка, произошло нечто невообразимое.

Разорванные края плоти размером с кулак начали стремительно стягиваться прямо на глазах. Спустя мгновение рана затянулась нацело — лишь слегка изменившийся оттенок новой кожи напоминал о недавнем смертельном ранении.

— Неужто ты и впрямь ничего не знал о силе своей крови, брат Су? — спросил Чжоу Юйи, заметив неподдельное изумление на лице юноши.

— Никогда, — покачал головой тот.

Государственный наставник ненадолго задумался, подробно пересказав события того дня, когда Су Янь исцелился у него на глазах, а затем любопытствовал:

— И уличный посол Пэй ни словом об этом не обмолвился?

— Нет, — Су Янь одарил собеседника подозрительным взглядом.

— Что ж, это теперь не имеет значения, — мягко улыбнулся наставник. — Главное, что молодой господин Пэй спасён.

Вдруг лежавший на ложе Пэй Хуайюй глухо застонал и, резко задёргавшись, выкрикнул в бреду:

— Даоси Су, спасайтесь! Бегите!

Последнее, что сохранило его угасающее сознание, — собственное бессильное тело на холодной земле и далёкий, едва различимый голос Су Яня.

"Мы ведь были в Хуанцюане... В Преисподней даже сильный дракон не одолеет местную змею, и Су Яню ни за что не совладать с теми призрачными девами. Сам я уже не жилец, но у него ещё есть шанс спастись. Нельзя становиться для него обузой!"

— Наш Хуайюй хоть и повеса без капли прилежания, но душа у него чистая и преданная, — Государственный наставник негромко рассмеялся.

Су Янь промолчал, лишь всматриваясь в лицо очнувшегося друга.

Понимая, что его общество здесь лишнее, Чжоу Юйи велел послушнику унести таз с омытыми холстами, а сам обратился к юноше:

— Государь ждёт вестей в главном зале. Побудь пока с ним, а я пойду доложу его величеству об исцелении.

В переднем покое император, выслушав весть, облегчённо и глубоко вздохнул:

— Благодарю вас, наставник. Случись с Хуайюем беда, я бы не посмел предстать пред духами предков.

— Ваше величество преувеличивает свою вину, — почтительно поклонился Чжоу Юйи.

Император едва заметно посмотрел на доверенного евнуха. Тот мгновенно понял безмолвный приказ и увёл за собой слуг и стражу. Когда они остались наедине, правитель вполголоса спросил:

— Скажи, наставник, те кости... они всё ещё там?

— Всё так, ваше величество. Белый скелет не тронут.

Слова Чжоу Юйи принесли государю облегчение.

— Деяния предков не нам судить, — негромко промолвил он. — Не прояви Император У решимость в те дни, не видать бы Великой Чжоу пяти веков незыблемого величия. Ныне всё, что я могу сделать для искупления, — это окружить Хуайюя заботой.

— Ваше величество являет миру пример истинного милосердия, — с мягкой улыбкой отозвался наставник. — Полагаю, Император У на Небесах умиротворён вашим благородством.

Монарх устало кивнул:

— Эта ночь выдалась долгой. Ты славно потрудился, наставник. Раз уж Хуайюй вне опасности, не забудь и о другой моей просьбе. Приложи все усилия.

Улыбка мгновенно сошла с лица Чжоу Юйи. Он склонился ещё ниже:

— Не извольте беспокоиться, ваше величество. Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу, непременно будет преподнесено вам.

Император пристально взгляделся в лицо советника, после чего медленно поднялся:

— В таком случае я буду ждать добрых вестей.

— Провожая ваше величество.

В тот самый день, когда Пэй Хуайюй переступил порог императорского дворца, слуги господина Цюя обнаружили своего хозяина мёртвым — он висел в петле под потолком собственного дома. На стене же алели выведенные кровью восемь иероглифов: «Сотня птиц почитает феникса, затаившийся дракон возвращается в море».

С тех пор как прогремело дело низложенного наследного принца, минуло тридцать лет. Дети, некогда бегавшие в коротких рубашонках, давно разменяли четвёртый десяток, однако даже сейчас одно лишь упоминание низложенного принца заставляло их невольно содрогаться от страха.

Обыватели Сицзина, жившие под боком у самого Сына Неба, всегда отличались поразительной осведомлённостью. В мгновение ока личность безвременно почившего господина Цюя была раскрыта, и именно его прошлое придало кровавому посланию на стене зловещий, ни на что не похожий смысл.

В словах о «Сотне птиц» все усмотрели намёк на знаменитое Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу, которое покойный император некогда даровал низложенному наследнику. Поговаривали, искуснейшие мастера трудились над этим чудом полгода. Наряд сиял столь ослепительно, что казался сотканным небесными девами без единого шва. Увы, обретший это сокровище принц оберегал его как зеницу ока и ни разу не явил чужому взору.

Что же до «затаившегося дракона, возвращающегося в море»... Не шёл ли здесь разговор о выжившем отпрыске опального наследника? Но ведь в те смутные годы по воле усопшего владыки все жёны, наложницы и чада мятежного принца были безжалостно казнены — ни единой душе не позволили уцелеть. Откуда же взяться продолжению его рода?

Фантазия толпы не знает границ. Не прошло и полудня, как чайные и рынки Сицзина наполнились самыми невообразимыми слухами.

Одни шептались, будто старый император, уступив мольбам покойной государыни, втайне пощадил младшую дочь мятежника и отдал на воспитание в простую семью. Годы спустя верные вассалы её отца отыскивали сиротку, выкрали и воспитали в строгости, дабы в урочный час вернуть престол законной наследнице.

Другие уверяли, что ярость казнённого принца за долгие годы сгустилась в мстительного

призрака, который ныне таится в тёмных закоулках Сицзина, поджидая свой час. И несчастный господин Цюй вовсе не накладывал на себя руки — его сжила со света ядовитая злоба потустороннего гостя.

Третьи же божились, будто низложенный наследник решился на бунт лишь потому, что тайно содержал тридцатитысячное войско. На такое безумное предприятие требовались несметные богатства. Откуда они у него? Поговаривали, принц случайно наткнулся на древний неиссякаемый клад. После сокрушительного поражения сокровища спрятали в тайнике, ключ к которому сокрыт в узорах того самого Одеяния Сотни птиц, поклоняющихся фениксу.

Подобных басен ходило не меньше трёх десятков. Каждый слушатель непременно приукрашивал рассказ собственными домыслами, прежде чем передать его дальше.

«Возвращение дракона в море» — кем бы ни был этот дракон, мстительным духом или уцелевшим наследником, само его возвращение предвещало скорую и сокрушительную бурю.

Вести быстро достигли императорского уха. Правитель не выказал паники, но тревога когтями впилась в его сердце. Масла в огонь подлило и происшествие с Пэй Хуайюем, который столь не вовремя провалился в Хуанцюань прямо в залах Императорской частной сокровищницы. Неужто за этим действительно стоят тени прошлого?

Тридцать лет назад нынешний император был лишь неразумным отроком. После падения наследника его дворец разграбили и опечатали, а Одеяние Сотни птиц бесследно исчезло в суматохе тех дней.

Теперь государь действовал без промедления. С одной стороны, он отправил верных евнухов перерыть Бесбалочный зал, где хранилась рухлядь из казны покойного мятежника. С другой — повелел Государственному наставнику вести тайные поиски. Описи имущества тех лет давно затерялись в архивах, и никто не мог поручиться, что бесценный наряд не пылится в одном из сотен заколоченных сундуков Бесбалочного зала.

Карать за сплетни весь город было бессмысленно — толпу не перевешаешь. Императору оставалось лишь сдерживать гнев. Впрочем, истинного страха он не испытывал: в столице по-прежнему пребывал могущественный Чжоу Юйи, а Хуайюй пришёл в себя. Стоит лишь завладеть Одеянием Сотни птиц, поклоняющихся фениксу, и любые призрачные угрозы развеются как дым.

В тишине дальнего покоя Пэй Хуайюй с трудом открыл глаза. Ощувив под собой мягкие шелка ложа, он на мгновение растерялся.

— Даоси Су? — хрипло прошептал он, заметив стоявшего у постели юношу. На его лице отразилось крайнее изумление. — Где мы? Неужели... умерли?

— Мы живы, — Су Янь выдержал паузу, прежде чем негромко ответить. — Это императорский дворец.

— Значит, вы спасли меня! — Хуайюй попытался приподняться, его глаза лихорадочно блеснули. — Даоси Су, вы уже второй раз вырываете меня из лап смерти!

— Успокойся, — ровно отозвался Су Янь. — Главное, что ты очнулся.

— Постойте... Я ведь точно помню Хуанцюань, — Хуайюй прижал ладонь к виску, восстанавливая череду событий, и вдруг заговорил настойчивым шёпотом: — Даоси Су! Я знаю, где Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу!

Су Янь удивился. Сложив пальцы правой руки в тайном жесте, он быстро прошептал защитное заклинание, отсекающее любые чужие уши, и лишь тогда кивнул:

— Рассказывай. Не спеши.

— Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу у Раскрашенной кожи, — на одном дыхании выдал Хуайюй. — У самых врат в Преисподнюю я подслушал разговор трёх призрачных дев. Они толковали о новоприбывшем духе — том самом мастере, что когда-то вышивал узоры на одеянии. А после они прямо при мне обмолвились, что само сокровище сейчас сокрыто у Раскрашенной кожи. Даоси Су, что это вообще за тварь — Хуапи?

— Скверный и коварный демон, — помрачнел Су Янь. Упоминание новоприбывшего духа лишило его последних сомнений: речь шла о покойном господине Цюе.

Совсем недавно он тайно подслушал беседу Цюя с хуской девой и намеревался нанести мертвецу визит, надеясь вывести тайну Одевания Сотни птиц, поклоняющихся фениксу. Но не успело солнце зайти, как старик обрёл вечный покой в петле.

"Очевидно, этот наряд проклят и несёт лишь погибель"

— Об этом — ни единой живой душе, — строго предупредил Су Янь. — Твоё тело ещё слабо. Возвращайся домой и восстанавливай силы, а поисками демона я займусь сам.

Пэй Хуайюй прекрасно понимал, что в его нынешнем состоянии он будет лишь обузой, а потому послушно закивал:

— Положитесь на меня, даоси Су. Мой рот на замке.

Когда Су Янь наконец переступил порог внутренних покоев, навстречу ему поспешил Пэй Цзинсин, уже изнывавший от долгого ожидания в экипаже.

— Ну как он? — с тревогой спросил уличный посол.

В вечно холодных глазах молодого даоси промелькнула едва заметная тёплая искорка:

— Пэй Хуайюй будет жить.

Лишь когда они укрылись в полумраке кареты и колёса застучали по брусчатке, Су Янь склонился к самому уху спутника и тихо произнёс:

— Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу сейчас у Раскрашенной кожи.

<http://bllate.org/book/18419/1864907>